

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

ШЕСТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ МЁРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

ПРАВИЛА:

1. НЕ ЧУВСТВОВАТЬ
2. НЕ ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ
3. НЕ ВСПОМИНАТЬ
4. НЕ ПРОЩАТЬ
5. НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ
6. НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ

18+

Алексей Корнелюк
Шесть правил для
мёртвого человека
Серия «Грязное саморазвитие», книга 5

*<https://litres.ru/74011403>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Он учил людей жить так, как они хотят. Его книги расходились огромными тиражами, лекции собирали полные залы, а фразы становились для читателей разрешением наконец перестать быть удобными.

Но однажды после выступления к Герману Ланскому подходит женщина и говорит, что её муж умер. На кухонном столе рядом с телом лежала его книга — исписанная подчёркиваниями, заметками и шестью правилами, которые должны были спасти человека, но, возможно, довели его до края.

Теперь Герман читает чужой дневник и всё глубже понимает: иногда «я хочу» — это не голос свободы, а травма, которая научилась говорить уверенно.

Содержание

Глава 1. Свобода по четвергам	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алексей Корнелюк

Шесть правил для мёртвого человека

Глава 1. Свобода по четвергам

Свободу я продавал по четвергам. В остальные дни она тоже расходилась неплохо, но по четвергам у людей почему-то особенно чесались цепи. Видимо, к концу недели даже самые терпеливые сотрудники банков, маркетологи, жёны успешных мужчин, мужья усталых женщин, взрослые дети живых родителей и родители ещё не испорченных детей начинали подозревать, что жизнь пошла куда-то не туда, а виноватых, как обычно, нет. Есть только календарь, ипотека, усталость и человек в зеркале, который утром чистит зубы с таким лицом, будто просто обслуживает тело до конца гарантийного срока.

Я выходил на сцену в восемь ноль семь. Не в восемь ровно — это выглядело бы слишком честно. Семь минут задержки давали залу возможность немного проголодаться. Люди начинали ёрзать, проверять телефоны, шептаться, раздражаться, и к моменту моего появления были уже достаточно живыми, чтобы принять за правду почти всё, что я скажу. Хоро-

ший лектор отличается от плохого не умом, а знанием, сколько минут нужно опоздать, чтобы тебя ждали, но ещё не ненавидели.

В тот вечер зал был полный. Две тысячи человек, если верить Рубену. Две тысячи сто сорок, если верить его отчёту для спонсоров. Тысяча девятьсот восемьдесят, если считать стулья и людей, которые сидели в проходах, прижимая к груди мои книги, как справки о том, что они ещё могут спастись. В первом ряду сидели женщины с одинаковыми лицами тех, кто уже всё понял, но пока не знает, как объяснить это мужу. За ними — мужчины, пришедшие «просто послушать», то есть тайно проверить, почему их жёны после моих видео стали чаще говорить слово «границы» и реже — «ужин». Где-то в середине зала скучали несколько молодых парней в чёрных худи. Они смотрели на меня так, будто хотели поймать на лжи, но пока не нашли, куда поставить капкан.

За кулисами пахло пылью, дешёвым кофе и перегретыми проводами. Ника подала мне бутылку воды без газа и две таблетки. Она всегда подавала их молча, как хирург инструмент. У Ники были тонкие запястья, вечная бледность человека, который спит рядом с чужими дедлайнами, и привычка держать лицо так, будто внутри неё идёт пожар, но она обещала никого не беспокоить дымом. Двадцать семь лет. Ассистентка, координатор, буфер между мной и миром, человек, который знал, где лежат мои паспорта, какие вопросы нельзя давать журналистам и после какой фразы из зала я

начинаю злиться.

— После лекции автографы двадцать минут, потом интервью для «Практики жизни», потом ужин с партнёрами, — сказала она.

— Ужин с партнёрами можно заменить смертью?

— Смерть не согласована с Рубеном.

— А если я умру без согласования?

— Он выставит это как эксклюзивный формат.

Я усмехнулся. Ника не улыбнулась. Она редко тратила улыбку на шутки, которые слышала в разных вариациях уже третий год. На её телефоне мигали сообщения, расписание, чьи-то просьбы, чужая паника. У меня мигала только собственная голова. За пятнадцать минут до выхода она обычно начинала гудеть, как старый холодильник в съёмной квартире: вроде работает, но ты каждую ночь ждёшь, что он загорится.

Рубен появился за минуту до моего выхода. Это была его любимая театральность — приходить в момент, когда уже поздно что-то менять, но ещё можно сделать вид, что всё держится на нём. На нём был дорогой пиджак цвета мокрого асфальта, белые кроссовки и выражение лица человека, который двадцать лет назад хотел быть режиссёром, а стал продавать чужие прозрения оптом. Он жевал мятную резинку. Всегда мятную. Всегда так, будто пытался заглушить запах собственной тревоги.

— Зал огонь, — сказал он. — Сегодня надо дать мясо.

Люди пришли за мясом.

— Я психолог, Рубен.

— Ты бренд, Герман. Психолог — это когда человек сидит в кабинете, кивает и зарабатывает на ипотеку. А ты — событие. Событию нужно мясо.

— Свобода medium rare?

— Не умничай перед выходом. У тебя от этого лицо становится, как у преподавателя философии, которого бросили за бариста.

Он похлопал меня по плечу. Рубен всегда хлопал людей так, будто проверял товар на плотность. Его жена уже второй год лечилась от чего-то, что он называл «женскими проблемами», когда хотел казаться крепким, и «онкологией», когда надо было выбить из партнёров деньги раньше срока. Я не знал, любил ли он её. Подозреваю, любил. Просто у некоторых любовь выглядит как таблица расходов и злость на весь мир за то, что мир не даёт скидку на боль.

— Там в третьем блоке вопрос про родителей, — сказал он. — Дай жёстче. У нас после родительских тем лучше всего продаётся курс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.